

эссе

Близость

Михаил Мардер

Университет Страны Басков, факультет философии

Близость леса

Когда Артемий Магун пригласил меня участвовать в конференции, посвященной 75-летию со дня рождения Владимира Библихина, у меня не было ни тени сомнения — надо обсуждать «Лес». Почему именно «Лес»? После нескольких лет работы над философией вегетативной жизни эта тема мне невероятно близка. Но помимо такого случайного сближения семинара Библихина и моего «растительного мышления», за этим выбором кроются и другие причины. Лес — это начало начал, преддверие концепции материи у Аристотеля, а значит, в какой-то мере, и вне-философский исток философии. В конечном итоге, мы ни о чем другом не говорим и говорить не умеем, даже если нам кажется что обсуждаем что-то совсем отдаленное от леса. Выражая эту мысль на языке Библихина, скажем, что мы захвачены первым, лесным началом. Говорим мы только о нем, хотя лес вовсе не тема, а лишь возможность тематизации (всего). Сужая его до темы, мы теряем то, что тематизируем, нарушаем «безмолвность леса» (Библихин 2011: 52), да и сами теряемся, как в темном, глухом, беспросветном и непроходимом лесу. Отсюда моя первая гипотеза: о лесе *как таковом* говорить не имеет смысла; стоит рассуждать только о его близости.

Вопрос не в том, что такое лес или материя, а в том какова их близость, ведь не «что» а «как» — суть феноменологического метода,

которой Биbihин зачастую руководствуется. Он четко понимает, что в отношении леса классический философский вопрос «что это?», *ti esti*, неуместен. Более того, такая постановка вопроса не отдает должного уважения нефилософскому, лесному истоку философии. Допустим, мы серьезно зададимся этим вопросом. Ответ на него обязательно будет противоречивым. Лес не равен самому себе; он больше и меньше чем лес (материя с одной стороны, материалы с другой); он живое и мертвое, растущие деревья и древесина; он флора и фауна (Биbihин 2011: 143); свой и чужой, и т. д. Нелепо ожидать повиновения леса формальной логике. Он был до нее и будет после, несмотря на все ее усилия. У него свой *logos*, который, как уже было сказано, безмолвен, то есть внутренне противоречив с точки зрения формальной логики, так как один из ключевых семантических оттенков этого греческого слова — голос. Лес определяется лишь своей неопределенностью (Биbihин 2011: 116).

Как же нам быть с близостью леса? Она тоже скорее всего совпадает с его дальностью. Лес выталкивает нас из метрического пространства в неметрическую геометрию, подсказывает Биbihин (Биbihин 2011: 5, *et passim*). Значит близость леса, как и близость к лесу, не означает мое местонахождение где-то на его окраине, на опушке. Она не относится, например, к тому факту, что я родился и жил на краю лесопарка «Лосиный Остров» в Москве. Ведется речь о близости неизмеримой, несоизмеримой с объективным расстоянием между любыми двумя точками в абстрактном пространстве. Такова близость, испытываемая (и это уже больше, чем отдельно взятый пример) двумя близкими людьми, как бы географически далеко они не находились друг от друга. Не трудно догадаться, что близость леса Биbihина экзистенциальна; в ней угадываются черты существования, обусловленные Хайдеггером.

Возвращаясь к лесу, Биbihин присоединяется не только к Аристотелю, но и к раннему Хайдеггеру, у которого на месте *Dasein* стоит *Leben*, жизнь (Биbihин 2011: 82). Он процеживает понимание древней доктрины одушевленности материи и более современного учения о ее чувствительности (допустим, у Шеллинга) через категории фундаментальной онтологии *Dasein*. «Недостаточно понятная интенсивность [...] присутствия» леса (Биbihин 2011: 5) непонятна как раз потому что скрытая сторона присутствия не в сподручности лесоматериалов и, конечно же, не в наличности, а в том, что лес *существует*, активно ведет существование. Лес и материя близки к нам именно тем, что они, как и мы (вернее: мы как и они; или даже: мы через них), — *Dasein*.

Давайте вдумаемся в формулировку «недостаточно понятная интенсивность его присутствия». В этой недостаточности остается доля понятного. Мы далеко не ошибаемся, когда воспринимаем лес как лесоматериалы. Раз и навсегда сподручность и наличность отбросить

нельзя. Как телесное присутствие человеческого *Dasein*, так и присутствие леса сплетает эти модальности бытия с его необъективностью, то есть с жизнью. Существование заключается в своем неполном — вечно неполном! — превращении в реализованный проект. Материя в значимой степени представляет из себя лесо- или стройматериалы для такой реализации. Вегетативный рост — лучшая иллюстрация само-организации материи, связанной с отмиранием. Дерево подтягивается вверх, вырастает из хрупкого ростка, крепнет, благодаря своему окаменению снаружи. Оно опирается на отходы своего же питательного процесса, живя на своем отмирании, и питается своими же отходами (опавшими листьями, сгнившими в компост). Так и мы опираемся на свой мир, в экзистенциальном смысле этого слова, ища поддержку в результатах отмирания и нашего, человеческого, и леса, превращенного в стройматериалы. Разве что в процессе конструирования нашего мира мы забываем, что то, из чего мы создаем — материя и труд прошлых поколений — уже давно создало и в какой-то мере продолжает создавать свой мир вокруг и внутри нас. «Наше отношение к лесу продолжает быть интимным», пишет Бибахин (Бибахин 2011: 14). На фоне экзистенциального толкования материи/леса, надо понимать эту интимность как сближение двух миров, причем не снаружи, а изнутри, так как наш мир вращается в утробе материи.

Если мы внутри леса как в утробе матери или материи, то далеко нам от него не отойти. Бибахин неустанно повторяет: материя — не противостоящее, а под-лежащее (Бибахин 2011: 83), другими словами, не объект, а субъект, «под-лежащее, которое подлежит — определению» (Бибахин 2011: 111). Вот перед нами еще одно доказательство экзистенциального подхода к материи. Ее близость ощущается снизу; она прилагается ко всем проектам как их основа и непревосходимое начало. Но ведь «под-лежание» можно было назвать более точно субстанцией (*sub-stance*: то, что под- или пред-стоит). В субъекте (*sub-iectum*, от *subicio*, «бросить под») преобладает бросок, подброшенность, и с ней тот риск, когда бросают по-настоящему, без страховки, как говорит Бибахин (Бибахин 2011: 230). Подброшенная материя не придает стабильности, присущей под-лежащему. Бросок — нас и материи — всего один. Мы брошены с ней и в ней, хотя в нашем понимании (а может быть и в любом понимании; в понимании как таковом) траектория броска расщепляется на две противоположные части, более или менее отдаленные друг от друга. Здесь близость ни в коем случае нельзя воспринимать как новое сближение траекторий субъекта и объекта после долгого периода «отчуждения», скажем от природы. Лес и материя приобретают в философии Бибахина оттенки *Dasein*, а наша с ними брошенность — это частичка одного и того же со-бытия.

Все же близость леса, определяемая снизу, довольно обманчива. Он не тянется вверх, как бы к отдельной и отдаленной сфере идей,

а к самому себе, к полноте своего существования. Не будем удивляться такой путанице: лес, по Бибахину, заставляет человека терять ориентацию (Бибахин 2011: 21), а значит путать «правое» и «левое», «назад» и «вперед», «вверх» и «вниз». Без этой ориентировки метафизике ни шагу не ступить. Остается одна сплошная середина, опять же символизируемая деревом, которое, как замечает Бибахин, «живет на кромке себя» и «растет одновременно вверх и вниз». Существовать значит находиться посреди леса, в середине, которую мы не покидаем, вне зависимости от того, в каком направлении движемся. Да и сам лес находится всегда посреди самого себя, поэтому и живет он «как-то сам собой» и «умеет быть не своим» (Бибахин 2011: 81). Та же середина, уже заключенная в дереве, из которого изготовлен крест, проявляется на пересечении горизонтали (древа) жизни и вертикали (древа) познания (Бибахин 2011: 71). Итак, на формальном уровне, близость леса означает близость всего ко всему, что посередине, в сердце существования.

Не станем пока вдаваться в подробности навеянного св. Августином креста как символа духовной материи или намеренного «одичания» образа материи как сад в саду, культивируемого у Лейбница. Наша цель — осознание близости леса, не только в формальном, но и в полном экзистенциальном ее значении. Лес Бибахина оказывает на нас психотропное воздействие. Оттесненный снаружи, он «въедается изнутри» в форме табака, вина и наркотика (Бибахин 2011: 24). Современный город не способен его избежать. В буквальном смысле психо-тропия означает поворот души. К чему остатки леса в городе поворачивают душу? Уверен, что если бы мы спросили Бибахина, то он бы ответил: «К телу!» Тело, вместо того чтобы огораживать нас от материи, погружает в нее, как говорится, с головой. Оно вообще — синекдоха леса, то есть часть материи, которая заменяет то целое, в котором участвует. Цитирую: «Вместе с моим ближним, телом, [...] дан сразу весь мировой лес, в который оно врастает и другие тела, с которыми оно связано по существу так же, вбирая, как части одного тела связаны друг с другом» (Бибахин 2011: 51). Близость к телу переходит в близость ко всем телам, а затем и в близость к лесу. С Бибахиним мы снова карабкаемся по чему-то напоминающему лестницу любви в «Банкете» Платона, только путь этот пролагается не к идее красоты, а к неопределимости материи.

Нестерпимая близость к лесу, к телу, где каждая клетка уже сама по себе лес («лес в лесу», как вариация на тему «сад в саду» Лейбница) — эта близость и есть продукт безмерности, несоизмеримости и неметричности лесного пространства. Материя не представляет собой хаоса, но когда порядок целиком отождествляется с абстрактным рациональным упорядочиванием, тогда материя предстает перед нами как вакханалия, как «пожар» (Бибахин 2011: 24), в который бросаемся, или «вещество», в котором легко утонуть (Бибахин 2011:

26). Снова ноль устойчивости: раньше, в броске, подчеркивался элемент воздуха; сейчас тоже не земля, а огонь и вода.

Мы, городские, находимся одновременно слишком далеко от леса и слишком близко к нему. В любом случае всем правит избыток, то «слишком», которое врывается в наш казался бы упорядоченный мир и вырывает нас из него. То, что дает мир, то из чего все в мире сделано, забирает чувство стабильности, въедаясь в нас. Обратной стороной близости леса является наше выхождение из самих себя, эк-стаз. Лес провоцирует, заставляет нас выйти из себя, а значит стать более сходными с ним (вспомним, что он и сам какой-то не свой, другой; в нем «*другие мы* присутствуем... — мы с *другим* сознанием» (Бибихин 2011: 24). А выход из себя подразумевает вход во время. То, что выгалькивает нас из самих себя, как раз и есть существование в полноте смысла *Dasein*.

Прежде чем двигаться дальше, обозначим важнейшее различие между мыслью Хайдеггера, лексикон которого мы постоянно (я бы сказал — бесстыдно) используем, и философией Бибихина. В глазах первого целая пропасть расстилается между человеком и другими живыми организмами (растениями и животными), не говоря уже о неодушевленных предметах, таких как камни. Имя этой пропасти — *существование*. По Хайдеггеру, камень есть, но он не экзистировует, в то время как существование неизбежно скатывается и падает в мир материи. У Бибихина, наоборот, «материя все чувствует, но словно во сне; жизнь — это когда материя просыпается» (Бибихин 2011: 184). Лес совсем уж недалеко от нас.

Lichtung, где бытие Хайдеггера принимается и понимается, это не что иное как лесная поляна, прогалина, просвет. То есть деревья, хоть немного, но разошлись и пропустили свет (*Licht*), пролитый на кусочек темного леса/материи. Бибихин, в свою очередь, не прибегает к такой уловке крипто-идеализма. У него лес не только «окружает плотную», но еще и растет на нас, в нас, в качестве нас: «Мы окружены лесом со всех сторон, плотную, и то, что кажется интимно нашим, наша мысль, не в лучшем положении, чем наши настоящие тела. Лес всегда уже успел сомкнуться» (Бибихин 2011: 326). Он настолько рядом с нами, что забирает себе и вбирает в себя все «интимно наше». Лес Бибихина беспросветен, поскольку не пропускает посторонний свет, хотя и обуславливает некое свечение в результате своего сгорания (как жизнь, как нефть, и, в конце концов, сам по себе).

Просвет Хайдеггера отдаляет нас от леса и от самих себя. Напекор его замыслам намечается тенденция к расширению открытости и к уничтожению ее собственного скрытого элемента. Поляна превращается в просеку, просека ведет к дальнейшей вырубке, пока не становится ясно, в таком вот стремлении к всеобщей ясности, что, говоря словами Бибихина, «люди готовят себе пустыню» (Бибихин 2011: 53). Пустыня в данном контексте это открытое физическое

пространство (где, кстати, так же трудно ориентироваться, как в лесу) и просто безграничная открытость, заветная мечта любого идеализма образумить материю — желательна без остатка. Вглядевшись получше, поймем, что в нашей «поздней» цивилизации идет борьба между тотальной идеализацией и теми остатками леса, теми ошметками материи, которые Биbihин сконцентрировал в трех словах: кока, табак и вино. Расчистить лес не значит идеально очиститься от порочной материи, а наоборот захлестит мир и себя ее остатками. Близость леса тоже, конечно, не первозданная невинность, отличающая *le bon sauvage* Руссо. В духе пост-метафизической мысли она (то есть близость) способствует узнаванию в нас самих остатков леса, его отбросов и к тому же самых зловонных, ведущих к катастрофическим уровням углекислого газа в атмосфере и к глобальному потеплению. «Брошенность» экзистенциализма давно лишена какого-либо пафоса. Она должна переводиться сегодня не иначе как выброшенность, как вынос на помойку себя самих, вместе с другими остатками леса. Если верить Биbihину, Аристотель об этом как-то смутно догадывался, понимая землю как свалку, куда все минимально тяжелое падает.

Я не зря заострил внимание на чуть ли не полной идентичности между нами и лесом или, если хотите, между остатками леса и нами как его отбросами. Вот так, скажут, заветная мечта идеализма перевоплощается в жуткий кошмар. Но нас волнует другое, а именно близость леса. Что же это за сближение, которое можно спутать с полной идентичностью?

Мне кажется вот что. Мы — близость леса к самому себе. В нас материя вроде бы пробуждается абсолютно и, пробудившись, осмысливает себя. Но — подытожим, опираясь на Гегеля, — как любая позитивность, отданная на растерзание сознанию, она отрицает себя же. В нас, через нас, лес подходит близко не к тому или иному предмету, а к себе самому и в апогее такого совершенного сближения вдруг резко отходит, разрушается. Его вырубка и расширение пустыни это символы и в то же время прямые последствия осмысления. Мы стоим и падаем вместе с лесом, а он тоже стоит и валится, распадается вместе с нами.

Такова взаимосвязь броска (точнее, брошенности) леса и нас, которую я не раз упоминал. В ней, в этой взаимосвязи, прослеживаются две будто бы противоположные гипотезы. С одной стороны, констатируем подавляющий перевес материи, присваивающей себе человека без остатка: «Что остается от человека, когда он весь тонет в лесу?» (Биbihин 2011: 144). С другой стороны, лес подвержен неумолимой силе разрушительного идеала. Перефразируем вопрос Биbihина и получим: что остается от леса, когда он весь растворяется в человеке? Но позвольте спросить, откуда здесь берутся две стороны, тем более противоположные? Мы узнали уже, что лес не терпит противополож-

ностей. Что же происходит? Поглощение, уничтожение, вырубка леса человеком это поглощение, уничтожение, вырубка леса лесом. Следуя Бибахину, заметим, что в этом исчезновении, как и в сжигании нефти, лес все-таки близок к нам — открыто и негативно (Бибахин 2011: 364). И добавим: на грани небытия, лес, который к бытию всегда тянется, остается близким к себе как к другому. Таким образом мы находимся в эпицентре самой странной (*unheimlich*) близости леса.

Бибахин соглашается с доводом Хайдеггера, что человек «неопределим» и потому «открыт», правда добавляет, что «то, с чем человек прежде всего имеет дело в себе и на земле, это неопределимое, лес» (Бибахин 2011: 26). Нет весомой разницы между неопределимостью человеческого существования и существования всей земли. Оба вида жизни это грани неопределимости леса. Близость леса в том и состоит, что человек представляет собой одну из его открытых, никогда не реализованных возможностей. Вместо просвета в лесу, в философии Бибахина нас ожидает лес как просвет, как открытие и закрытие существования, человеческого и не только. Свет не спускается до леса, там где он менее густой, а исходит от него без постороннего вмешательства. Так проявляется особая феноменальность безмолвного *логоса*, который я затронул в начале моего комментария. Лес нельзя тематизировать как раз потому, что любая тематика нарушает его безмолвность, затмевает его собственный свет и тем самым разрушает его как феномен.

Возможно, слово «близость» слишком позитивно для описания нашего отношения к лесу, в отсутствии «языка на котором можно было бы говорить о» нем (Бибахин 2011: 182). Что ж, если нет такого языка, тогда его надо изобретать — причем каждый раз заново — имея ввиду, что каждая попытка изобретения безусловно обернется провалом. Так поступает и Бибахин. Но ведь в схеме существования удача и неудача понятия относительные: возможности превалируют над своим воплощением в реальность, и поэтому успех совсем не в счет. Можно либо опустить руки и признать бесплодность перевода безмолвности леса на человеческий язык, либо научиться подходить к лесу не напрямую, а в обход, полагаясь на негативную форму близости как «от-даления», то есть «снятия дали» (Бибахин 2011: 82).

Отдаление, *Ent-fernung*, — конечно же термин Хайдеггера, относящийся в первую очередь к созданию мира феноменологии. Создавая свой мир, а значит и себя, человек преодолевает нефизическое расстояние между собой и частями своего окружения тем, что придает им значение и расставляет их по местам, вокруг себя. (Как раз поэтому Бибахин утверждает, что человек по сути своей неуместен; расписывая места, он не занимает позицию в смысловой сети, которую вьет как паук.) И все же, то от-даление, которое создает мир, предполагает еще более раннее от-даление — одновременное снятие и сохранение расстояния между нами и лесом. В такой от-даленности

леса от нас разворачивается весь мир. Здесь можно наконец-то вздохнуть, а не задыхаться в плотном ряду живых существ. Но не успеем вобрать этот долгожданный глоток свободы, как тут же понимаем, что человек и нефизическое расстояние от леса, открытое отдалением все равно принадлежат лесу. Разница между нами и лесом разворачивается, как ни странно, в лесу.

Сам факт, что мир не создается своевольно, а дан заранее (через язык, традицию, и т. д.) для дальнейшей интерпретации, свидетельствует о его статусе вторичного материала для активного осмысления. В качестве материала мир — тоже материя, обособленная часть леса, зачастую не ведающая о своем происхождении. Человеческая захваченность миром есть не что иное, как след леса в нашей психике: «Происхождение живого и человека надо искать очень близко, в нашей захваченности миром, которая не другая у нас чем у всего живого и не другая сейчас чем в начале всего» (Биbihин 2011: 361). Захваченность вносит элемент пассивности в любую активность человека, она не менее сильный психотропный препарат, чем наркотики. Оказывается, мир нам полностью не принадлежит, а мы принадлежим ему и через него — лесу.

В понятии «от-даление» наблюдается игра близости и дальности, без следа противоположности. Все зависит от того, как отдаление воспринимается. Если как превращение леса («лес будет превращаться» (Биbihин 2011: 102)), то получим крест на пересечении древа жизни и познания; если как отчуждение от природы, то выйдет абстрактная схема креста под названием «культура». В любом случае сбежать из леса не удастся, поскольку он двоятся, вбирая в себя даже кажущиеся противоположности и тем самым отражая жизненный процесс растения, которое «пропускает, допускает в себя много такого, что ему не обязательно принадлежит» (Биbihин 2011: 247). Как растение допускает в себя избыток влаги, так и лес пропускает в себя нас, ту свою избыточную, лишнюю, выброшенную часть, которая отрицает его. И двоятся он тоже как растение, к примеру, в «Элементарных формах религиозной жизни» Эмиля Дюркгейма. Помните, там одно дерево — не одна вещь, а сразу две, оно и дерево и «мана» — зачаровывающая сила жизни, объект поклонения древнего шаманизма и анимизма. То есть дерево одновременно и растение и что-то другое, знак сверх самого себя. У Биbihина встречаем нечто схожее в так называемой загадке леса, «в которой — в этой загадке — дерево двоятся [...на] дерево и крест. Полярность входит в саму жизнь...» (Биbihин 2011: 249). Совсем не важно, к какому полюсу мы приближаемся. Загадка леса в том, что несмотря на все наши метания между деревом и крестом, вещью и знаком, «природой» и «культурой», мы все же остаемся от него в близком отдалении.

Раздвоение леса заставляет нас скорректировать толкование его неметрического пространства. Сначала нам показалось, что Биbihин

просто прибегает к вариации на тему феноменологической редукции Гуссерля. Он сам об этом объявляет, говоря о возвращении к более ранней геометрии (Бибихин 2011: 66), «онтологической, бытийной». «Это, — продолжает он, — настоящая философия. Она сразу и очень круто вводит в настоящие трудности. Сразу возвращает к лесу, к дереву, к материи, к кресту. К материальному от идеального» (Бибихин 2011: 224). Раз уж разговор зашел о трудностях, то, на самом деле, не все так просто. Загвоздка (как гвоздь на кресте) в том, что нет прямой дороги от идеального «обратно» к материальному. Ближе к материальному как таковому не подойти. В наилучшем случае мы достигнем раздвоенного леса, то есть уже расщепленного, разбросанного на деревья и кресты, вещи и знаки. Раздвоение леса требует от нас обратить внимание на идеальность, неотъемлемую от материального, как это уже сделал однажды св. Августин, который твердил в своих проповедях о кресте как о лодке, сделанной из древесины и поддерживающей грешного человека на плыву в бушующем море соблазнов. Дерево креста у него несомненно олицетворяет легкую материю, проникнутую духом насквозь. В отличие от неорганического, каменного, тяжелого закона Ветхого Завета, который согласно этой логике неизбежно тянет ко дну, оно перерождает саму материю, сам лес в духе, но тем не менее сохраняет и качества материи. У Бибихина подобное заключение основано на категорическом отказе приписать Платону банальный дуализм. Эйдос — это сама полнота леса, под которой мы в современном понимании подразумеваем генетический код, «другую программу, расписание нашей генетики» (Бибихин 2011: 352), следовательно, идеальность материального.

И заключительная мысль, на сей раз о внимании, за которое вас благодарю. Как же нам обращать внимание на что-либо, если объект раздваивается? Пытаемся разглядеть дерево, но тем самым отвлекаемся от креста. И наоборот. Лес включает в себя сразу оба момента, которые, вопреки их не-противоположности друг другу, не объять одним взглядом. Внимание рассеивается даже в наивысшей сосредоточенности, оно не бывает «чистым», как бы этого ни желала феноменология. Лес где-то близко и совсем далеко. Как раз в подходе к вниманию я расхожусь с Бибихиным, но все же оставляю последнее слово за ним: «Как лес мы тварь. Но как предъявляющие, как чистое внимание, как феноменологи, мы отдельны от леса, божественны. Мы тогда поэтому *то же* делаем с лесом, что хотел Бог» (Бибихин 2011: 50).

Библиография

Бибихин, Владимир (2011). *Лес*. СПб.: Наука.